

*А. В. Лялина***ТИПОЛОГИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПРИМОРСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ**

Поступила в редакцию 21.09.2021 г.

Рецензия от 03.10.2021 г.

42

Приморская зона России — динамично развивающийся регион страны, геополитическая и геостратегическая значимость которого значительно выросла в последние десятилетия вследствие изменения внешних условий. Наблюдающиеся диспропорции в социально-экономическом развитии приморской зоны России находят отражение в многочисленных градиентах миграционной обстановки, изучение которых определяет цель настоящего исследования. Методологической основой исследования стали типологизация, статистические и общенаучные методы. Информационной базой для исследования послужили данные Росстата о межрегиональной и международной миграции населения в приморских регионах России на региональном и локальном уровне в 1993–2018 гг. Анализ трансформации миграционной обстановки в каждом из приморских регионов России за всю постсоветскую историю показал наличие достаточно устойчивых и нарастающих миграционную привлекательность центров притяжения на территории регионов Балтийского и Черноморского бассейнов. Выявлено, что ареалы оттока мигрантов, сложившиеся преимущественно в пределах Тихоокеанского, Арктического и Каспийского бассейнов, в большинстве своем демонстрируют сокращение интенсивности миграционной убыли, главным образом за счет международной иммиграции. Для улучшения миграционной обстановки здесь чрезвычайно важна роль зарождающихся и наиболее динамично развивающихся локальных центров притяжения, которые могут запустить процесс повышения талассоаттрактивности.

The coastal area of Russia is a dynamically developing region of the country, the geopolitical and geostrategic importance of which has grown significantly in recent decades due to changes in the external conditions of development. The differences in the socio-economic development of the coastal area of Russia are reflected in the numerous gradients of the migration situation, the study of which determines the purpose of this article. The study relies on typology, statistical and general scientific methods as well as on the Rosstat data on interregional and international migration of the population in the coastal regions of Russia at the regional and local levels in 1993–2018. Analysis of the transformation of the migration situation in each of the coastal regions of Russia over the entire post-Soviet history has shown the presence of fairly stable core regions of attraction of migrants in the basins of the Baltic and Black Seas. During the study period they increased their migration attractiveness. Areas of outflow of migrants, formed mainly within the Pacific, Arctic and Caspian Seas basins, for the most part demonstrate a decrease in the intensity of migration loss, mainly due to international immigration. Here, the role of the emerging and most dy-

natically developing local centers of attraction of the migrants is extremely important for improving the migration situation. They can trigger the process of coastalization and extend it to the neighbouring areas.

Ключевые слова: приморская зона, миграционная обстановка, центр притяжения, ареал оттока, приморские регионы, типология, Россия

Keywords: coastal area, migration situation, center of attraction, area of outflow, coastal regions, typology, Russia

1. Введение и постановка проблемы

На территории России имеют непосредственный выход к морю 23 субъекта из 85 (далее – приморские регионы). Несмотря на то, что, по справедливому суждению профессора А.Г. Дружинина, «приморская зона “не вмещается” в рамки административно-территориального деления страны» [1, с. 92], ее изучение для первоначального анализа миграционной ситуации на уровне регионов именно в таком понимании имеет смысл и значение. Сохраняющиеся различия между приморскими регионами в уровне социально-экономического развития являются следствием множества факторов (среди которых уровень вовлеченности в морехозяйственную деятельность), которые находят отражение в миграционной обстановке в целом в регионе. Так, талассоцентрированными признаются лишь 14 приморских регионов, которые концентрируют на своей территории сложившиеся (либо формируемые) общероссийски значимые кластеры морской активности [2; 3], в остальных она носит «точечный» характер. На долю приморских регионов суммарно приходится почти две трети всей территории страны и четверть ее населения. При этом приморские регионы крайне неоднородны как по занимаемой площади (Республика Якутия – 3085 тыс. км² и Красноярский край – 2367 тыс. км², Калининградская область – 15 тыс. км², города Санкт-Петербург и Севастополь – 1,4 тыс. и 0,8 тыс. км² соответственно) и природно-климатическим условиям (Арктическая зона, Дальний Восток России, Черноморский, Каспийский, Балтийский бассейны), так и по уровню социально-экономического развития (ВРП на душу населения в 2019 г. в Дагестане – 232 тыс. руб., Калининградской области – 516 тыс. руб., Санкт-Петербурге – 951 тыс. руб., в Ненецком АО – 7530 тыс. руб.¹).

Размещение населения в приморской зоне уже многие годы является одной из важнейших тем исследований как зарубежных, так и отечественных географов-обществоведов [4]. Применительно к российской приморской зоне накоплен значительный опыт изучения расселения населения во взаимосвязи с особенностями хозяйствования на конкретной территории, сформулированы важнейшие выводы об особенностях и факторах ее миграционной привлекательности:

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDSwf9mM/dusha98-19.xlsx> (дата обращения: 21.09.2021).

• «переток» населения в примыкающие к побережью муниципальные образования стал проявлением «морского» переформатирования российского пространства в начале 2000-х гг. [5];

• концентрация населения в приморских зонах России происходит преимущественно в крупных групповых системах расселения [5] и крупнейших многофункциональных городах [6]; кроме того, формируются локальные центры притяжения мигрантов, обладающие высоким потенциалом развития морской рекреации и туризма [6] и/или высоким уровнем и потенциалом социально-экономического развития, либо размещающие на своей территории военно-стратегические объекты [7; 8];

• в регионах оттока населения наличествуют также локальные центры притяжения мигрантов, входящие в состав крупных городских агломераций, или муниципалитеты с возросшим военно-стратегическим значением либо с развитой добывающей промышленностью [7];

• под влиянием тяготения к крупным агломерациям растет миграционная привлекательность муниципалитетов, не имеющих выхода к морю [7];

• миграционный поток в приморской зоне в подавляющей части урбо- и европоцентричен, обращен к основным приморским курортно-рекреационным зонам [6];

• сегодня и в ближайшей перспективе прирост численности населения в ряде приморских городов России (Крыма, Каспия, побережья Кубани, Ростовской и Владивостокской агломераций, приморских территорий Калининградской области) может поддерживаться за счет возрождения морехозяйственного комплекса, нарастающей привлекательности «коммуникационных коридоров», фактора талассоаттрактивности и общей комфортности среды проживания, наличия потенциала самозанятости [6; 9].

Миграция населения стала важнейшей составляющей воспроизводства населения, особенно в приморской зоне, которая обладает особой миграционной привлекательностью, обусловленной как факторами занятости в «морских» и сопутствующих видах экономической деятельности [10–14], так и общей талассоаттрактивностью [15; 16].

Тем не менее исследования характеристик миграционных процессов в приморских регионах России, раскрывающие направленность миграционных потоков, половозрастные характеристики мигрантов, носят фрагментарный, территориально обособленный характер. Крайне редко присутствует сопоставление с другими приморскими регионами, тем более муниципалитетами; не прослеживается сопряжение выявленной специфики миграционной обстановки с особенностями экономико-географического положения (выходом к морю, наличием форм пространственной организации населения). В то же время имеющийся опыт изучения миграции в рассматриваемых в данной статье регионах [17–32] служит основой для обоснования научного дискурса о сходствах и различиях, общих проблемных вопросах в миграционном развитии приморских регионов России.

Таким образом, на сегодняшний день, несмотря на достаточно глубокую проработку вопросов воспроизводства населения в приморских регионах России, отсутствует понимание устойчивости центров притяжения и оттока населения, основанное на ретроспективном анализе соотношения потоков межрегиональной и международной миграции (их замещения или взаимодополнения). В тени исследований остаются важнейшие вопросы особенностей формирования локальных приморских центров притяжения мигрантов, что имеет большое значение — особенно для регионов, испытывающих миграционную убыль населения. В данной статье делается попытка оценить многообразие приморских регионов России по динамике развития миграционных процессов в постсоветский период. С этой целью были выполнены задачи: 1) сбор данных и расчет относительных и абсолютных показателей сальдо и валовой внешней (межрегиональной и международной) миграции для совокупности приморских и континентальных регионов РФ за 1993–2018 гг.; 2) выделение этапов развития миграционной обстановки в приморских регионах РФ в 1993–2018 гг.; 3) сопоставление миграционной обстановки в приморских и континентальных регионах РФ в 1993–2018 гг.; 4) типологизация приморских регионов РФ в соответствии с особенностями соотношения международной и межрегиональной миграции в постсоветский период; 5) анализ полученных результатов типологизации; 6) выявление локальных центров притяжения мигрантов в рассматриваемых приморских регионах, сохраняющих привлекательность в течение последних пяти лет; 7) формулирование выводов.

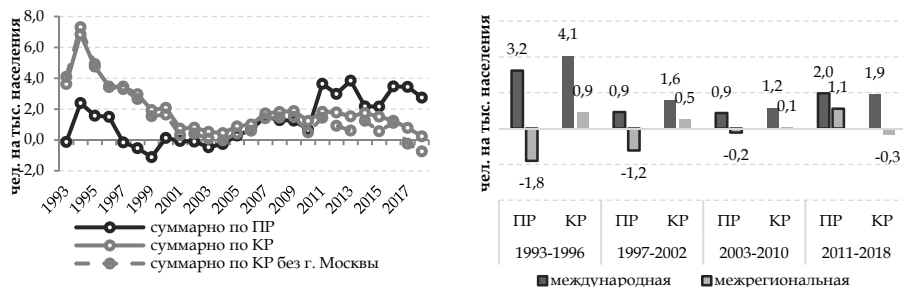
2. Методика исследования и фактический материал

Методологической основой исследования являются статистические методы исследования и метод типологизации, совокупность общенаучных методов. В статье использованы официальные статистические данные Росстата и его территориальных органов в приморских регионах России, в том числе представленные в базе данных «Показатели муниципальных образований». Временной интервал используемых доступных данных включает 1993–2018 гг.

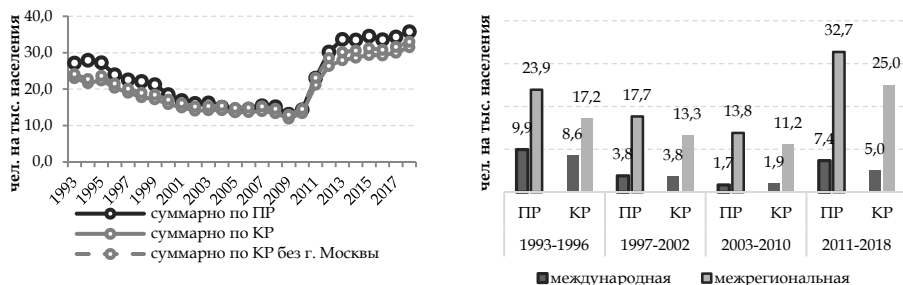
3. Результаты исследований

3.1. Миграционная специфика приморской зоны России в 1993–2018 гг.

Миграционная ситуация в приморских регионах России в целом имеет ряд сходств и отличий с развитием миграционных процессов в континентальной части страны (рис. 1). В частности, это касается закономерностей динамики сальдо и оборота миграции в рассматриваемый период — целесообразно выделить четыре этапа развития миграционной обстановки в приморских регионах РФ.

А. Суммарное сальдо миграции в ПР и КР России в 1993 – 2018 гг. (справа – в среднем за период)

Б. Суммарная валовая миграция в ПР и КР России в 1993 – 2018 гг. (справа – в среднем за период)

Рис. 1. Миграционная ситуация в приморских и континентальных регионах РФ

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Примечание: ПР – приморские регионы, КР – континентальные регионы.

1993 – 1996 гг. Развитие миграционных процессов в приморских регионах России в этот период схоже с тенденциями, присущими для континентальных территорий и обусловленными последствиями распада СССР. Это период крупномасштабных миграционных потоков с высокой долей репатриантов (в том числе в результате раздела армии и вывода в Россию присягнувших ей военнослужащих), вынужденных переселенцев и беженцев из-за пределов России. Несмотря на более высокую интенсивность валовой международной миграции в приморских регионах относительно континентальных, на их долю приходилось всего 25 % всего миграционного оборота и только 18 % суммарного сальдо миграции с другими странами. Кроме того, это период масштабного дрейфа населения Севера (Мурманская область, Ненецкий АО) и Дальнего Востока (Магаданская область, Камчатский край, Сахалинская область, Чукотский АО) на запад России. Это нашло отражение в формировании отрицательного суммарного сальдо межрегио-

нальной миграции в целом по всем приморским регионам страны, в то время как континентальные регионы (суммарно) характеризовались в этот период миграционным приростом. В этот же период началась массовая эмиграция населения в страны дальнего зарубежья.

1997–2002 гг. — период сокращения объемов и сальдо миграции как отражение произошедших в это время существенных изменений как в экономическом развитии страны, так и в российской и региональной законодательных системах, регулирующих миграционные процессы. Значение приморских регионов России для миграционных процессов, происходивших в стране в это время, сократилось. Глубокий экономический кризис 1998 г. послужил причиной снижения интенсивности сальдо международной миграции (прежде всего со странами ближнего зарубежья) на 57 % в приморских регионах России и на 42 % — в континентальных регионах. Для межрегиональной миграции характерен рост интенсивности и концентрация «западного дрейфа» на фоне усиления влияния Москвы на миграционное поле страны. Сохраняется высокая эмиграция в страны дальнего зарубежья.

Последовавший за кризисом масштабный экономический рост позволил отчасти стабилизировать сокращение миграционных объемов и уменьшить миграционную убыль в результате формирования нового типа миграции — миграции по экономическим причинам.

2003–2010 гг. — период роста сальдо миграции и стабилизации интенсивности валовой миграции с небольшими колебаниями и минимумом в 2009 г., обусловленным последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Сальдо миграции в этот период росло и в 2005 г. вновь стало положительным, прежде всего благодаря иммиграции из стран СНГ и Балтии. Этому способствовали высокие темпы развития экономики страны, реализация инвестиционных инфраструктурных проектов, в том числе в приморских регионах, что привело к повышению уровня и качества жизни населения. Положение приморских регионов в этот период улучшилось, в то время как континентальные регионы (кроме Москвы) в среднем характеризовались негативными тенденциями развития миграционной обстановки. Во-первых, несмотря на продолжающееся снижение интенсивности валовой миграции, что было характерно для всех регионов России, выросла ее эффективность, и (как следствие) увеличился положительный коэффициент сальдо международной миграции. На фоне обратных процессов в континентальных субъектах РФ, включая Москву, доля приморских регионов в суммарном сальдо международной миграции выросла с 15 % до 18 %. Отрицательный коэффициент сальдо межрегиональной миграции сократился до минимальных значений (с -7,3 в 1997–2002 гг. до -1,8 в 2003–2010 гг.). Напротив, континентальные регионы (за исключением Москвы) сменили миграционный прирост на убыль. В большинстве приморских регионов сальдо миграции с другими странами увеличилось за счет роста темпов иммиграции из стран СНГ и

Балтии и существенного снижения эмиграции населения в страны дальнего зарубежья. В межрегиональной миграции в этот период наблюдались также позитивные тенденции – суммарная миграционная убыль населения по всем приморским регионам сократилась, преимущественно за счет уменьшения оттока населения с Дальнего Востока и Севера России и увеличения притока в Краснодарском крае, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В то же время в некоторых приморских регионах отмечались смена миграционного прироста на убыль и ее увеличение в результате межрегионального взаимодействия.

2011 – 2018 гг. – стремительный рост интенсивности миграционного оборота и миграционного прироста в 2011 г., прежде всего вследствие учета мигрантов в статистике. В последующем произошла стабилизация на уровне максимальных значений коэффициента валовой миграции за всю постсоветскую историю и коэффициента сальдо миграции с 1996 г., которая была прервана только в 2014–2015 гг. В этот период значение приморских регионов в общестрановых миграционных процессах стремительно росло. Они продолжили активно включаться в международные миграционные процессы и «стягивать» население из остальных регионов России. Интенсивность международной валовой миграции и сальдо миграции выросла больше, чем в других регионах страны, – в 4,3 раза и 2,3 раза соответственно. Это обеспечило существенное увеличение доли приморских регионов в международных миграционных потоках в России. Абсолютно все приморские регионы образуют положительное сальдо миграции с зарубежными странами. Несмотря на то что темпы роста интенсивности валовой межрегиональной миграции были лишь незначительно выше, чем в среднем по России и континентальным регионам (кроме Москвы), сальдо миграции стало положительным, а доля приморских регионов в валовой межрегиональной миграции вернулась к значениям 1993–1996 гг. – на уровне 29%. Однако причина этих процессов заключается в наращивании миграционного прироста в традиционных (Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Калининградская область) и «новых» (Крым и Севастополь) центрах миграции, а не в остановке оттока населения с российского Севера, Дальнего Востока и Каспия.

3.2. Территориальные различия трансформации миграционных процессов приморских регионов в 1993–2018 гг.

По величине сальдо и соотношению международной и межрегиональной миграции приморские регионы России могут быть объединены в четыре типа: «ядро» притяжения мигрантов; территории с крайне слабой выраженностью специфики миграционных процессов; территории, совмещающие ярко выраженные роли «ядра» притяжения мигрантов из других стран и «ядра» оттока мигрантов в другие регионы России с высокой долей замещения оттока притоком (более 50%); ареал оттока мигрантов (табл., рис. 2).

**Количество приморских регионов и среднее значение сальдо миграции
в приморских регионах разной типовой принадлежности**

Тип и подтип	Количество приморских регионов РФ, отнесенных к тому или иному типу						Средний коэффициент сальдо миграции, чел. на 1000 населения									
	1993–1996		1997–2002		2003–2010		2011–2018		1993–1996		1997–2002		2003–2010		2011–2018	
	7	6	4	5	4	5	7	7	7,1	3,4	4,5	4,3	4,9	10,6	1,0	—
Тип 1. «Ядро» притяжения мигрантов	7	6	4	5	4	5	7	7	7,1	3,4	4,5	4,3	4,9	10,6	1,0	—
Подтип 1.1. Выраженное (А)	5	4	—	4	—	4	6	6	11,4	4,3	—	—	0,3	—	—	—
Подтип 1.2. Средне выраженное (Б)	1	—	—	1	—	1	1	1	-0,2	—	—	—	—	—	—	—
Подтип 1.3. Слабо выраженное (В)	1	2	—	—	—	—	—	—	0,5	1,3	—	—	—	—	—	—
Тип 2. Территории с крайне слабой выраженностью специфики миграционных процессов	2	3	—	5	—	5	1	1	0,6	-1,0	-0,2	—	—	—	—	—
Тип 3. Территории, совмещающие ярко выраженные роли «ядра» притяжения мигрантов из других стран и «ареала» оттока мигрантов в другие регионы России с высокой долей замещения оттока притоком (более 40%)	1	1	—	1	—	1	6	6	8,5	-2,6	-2,8	—	-2,5	—	—	—
Тип 4. Ареал оттока мигрантов	11	11	—	10	—	10	9	9	-11,4	-7,4	-4,2	—	-4,9	—	—	—
Подтип 4.1. Выраженное (А)	9	9	—	9	—	9	7	7	-17,8	-10,7	-4,7	—	-6,2	—	—	—
Подтип 4.2. Средне выраженное (Б)	2	2	—	1	—	1	2	2	-2,2	-2,8	-2,1	—	-1,7	—	—	—
<i>Всего</i>	21	21	—	21	—	21	23	23	1,3	-0,3	0,6	—	3,0	—	—	—

Примечание к рисунку 2. Названия регионов приведены в соответствии с международным Стандартом ISO 3166–2. В скобках даны значения суммарного сальдо миграции за период, чел. на 1000 населения. Ориентиром для определения степени выраженности миграционных процессов выступают средние значения суммарного сальдо миграции по стране и приморским регионам. Цветом обозначены периоды: 1993–1996 гг., 1997–2002 гг., 2003–2010 гг., 2011–2018 гг. В черную сплошную рамку выделены регионы «ядра» притяжения мигрантов, в пунктирную рамку – регионы с крайне слабой выраженностью специфики миграционных процессов, в двойную рамку – территории, совмещающие ярко выраженные роли «ядра» притяжения мигрантов из других стран и «ядра» оттока мигрантов в другие регионы России с высокой долей замещения оттока притоком (более 50 %), в точка-пунктирную рамку – регионы «ядра» оттока мигрантов. А – ярко выраженный процесс, Б – процесс средней выраженности, В – слабовыраженный процесс.

Тип 1 («ядро» притяжения мигрантов) характеризуется различной степенью выраженности миграционных процессов. *Выраженным* считается «ядро» притяжения мигрантов (подтип 1.1), заключающее субъекты, имеющие высокое (более 10,0 человек на 1000 населения) положительное сальдо миграции по одному из направлений внешней миграции и хотя бы среднее (от 5,0 до 9,9 человек на 1000 населения) или низкое (от 0,0 до 4,9 человек на 1000 населения) положительное сальдо миграции по другому.

К *выраженному* «ядру» притяжения мигрантов (подтип 1.1) отнесены субъекты, миграционная обстановка в которых не претерпела существенных изменений за весь рассматриваемый период – Краснодарский край и Ленинградская область, Республика Крым и г. Севастополь. Здесь ключевая роль принадлежит курортным муниципальным образованиям черноморского (Сочи, Геленджик, Анапа) и азовского побережий Кубани (Темрюкский район – центр виноделия с важной портовой инфраструктурой), а также транспортно-логическому центру (г. Новороссийск), и территориям Краснодарской агломерации (краевому центру – г. Краснодару – и тяготеющему к нему Динскому району).

В Крыму, где сконцентрировано самое большое число приморских муниципалитетов (20 или 11 % от общего числа), приморские рекреационные муниципальные образования также выступают в роли реципиента мигрантов. Максимальные значения миграционного прироста за период 2015–2018 гг. зафиксированы в Алуште, Ялте, Симферополе и прилегающем Симферопольском районе, а также в Керчи. Несмотря на это, более значимым весом традиционно обладает город федерального значения Севастополь.

В Ленинградской области мигрантов привлекает пригородная зона, примыкающая к северной столице и входящая в состав Санкт-Петербургской агломерации – Всеволожский, Ломоносовский и в значительно меньшей степени Кировский районы. В них активно протекают процессы субурбанизации.

В состав центра притяжения сегодня также входят Калининградская область и г. Санкт-Петербург, где миграционная обстановка зна-

чительно улучшилась в рассматриваемый период за счет увеличения положительного сальдо межрегиональной и международной миграции. В Калининградской области, демонстрировавшей на протяжении всей постсоветской истории максимальное сальдо международной миграции (20–45 человек на 1000 населения), роль приморских муниципалитетов в формировании положительного сальдо миграции является определяющей. Центром притяжения выступает прежде всего промышленное ядро Калининградской агломерации в составе областного центра (г. Калининград) и двух прилегающих округов – Гурьевского и Светловского, но также эту роль играют туристско-рекреационные Зеленоградский, Светлогорский и Пионерский округа, и Балтийский ГО, обеспечивающий военно-морскую функцию.

Северная «столица» России – г. Санкт-Петербург, несмотря на то что долгие годы он оставался в тени Ленинградской области и значительно уступал по привлекательности Краснодарскому краю в межрегиональной миграции, в 2011–2018 г. демонстрировал стремительный рост числа прибытий из других регионов России. Так, по показателю суммарного сальдо межрегиональной миграции за рассматриваемый период он вышел на второе место (72 человека на 1000 населения), немного уступив только Ленинградской области (90 человек на 1000 населения).

Важно отметить, что в 1993–1996 гг. в состав центра входили Астраханская и Ростовская области, где в 2001–2002 гг. произошла смена положительного сальдо межрегиональной миграции на отрицательное. Напротив, г. Санкт-Петербург вошел в этот подтип только в 1997 г. В Ростовской области ключевую роль играл областной центр – ядро Ростовской агломерации – г. Ростов-на-Дону, аккумулировавший на своей территории важный с точки зрения общестранового развития оборонно-промышленный комплекс. Астраханская область стала «домом» для выходцев охваченной войной Чечни, а также соседнего Дагестана, но кроме того являлась местом назначения вынужденной миграции из Казахстана и Азербайджана.

«Ядро» *средней выраженности* (подтип 1.2) состоит из субъектов, где высокое положительное сальдо миграции из других стран полностью компенсирует среднее (от -14,9 до -5,0) или низкое (от -4,9 до 0,0) отрицательное сальдо межрегиональной миграции. В 2011–2018 гг. к этому подтипу относился только Красноярский край, которому в этот период (впервые с 1993–1996 гг.) удалось существенно нарастить интенсивность положительного сальдо международной миграции и заместить несколько снизившийся отток населения в другие регионы России, обеспечив общий миграционный прирост. Ранее (в 1997–2010 гг.) регион перестал быть центром притяжения международных мигрантов, сократив прирост до низкого уровня, который был способен только отчасти компенсировать межрегиональный отток. На территории Красноярского края центр притяжения мигрантов складывается в границах Красноярской агломерации и крупного центра цветной металлургии – г. Норильска. При этом положительное влияние зарождаю-

щегося (с 2017 г.) центра притяжения мигрантов в г. Норильске на окружающий его единственный приморский Таймырский Долгано-Ненецкий район пока не зафиксировано, и муниципалитет продолжает относиться к периферии, активно теряющей население. В 2003–2010 гг. к данному подтипу можно было отнести также Астраханскую область.

Слабо выраженное «ядро» притяжения мигрантов (подтип 1.3) существовало только в 1993–2002 гг. Оно объединяло регионы со средним и низким сальдо международной и межрегиональной миграции: Санкт-Петербург в 1993–1996 гг., который на следующем этапе превратился в центр притяжения мигрантов, и Карелию и Ростовскую область в 1997–2002 гг., которые в последующем, напротив, характеризовались снижением своей привлекательности для мигрантов.

Тип 2 (территории с крайне слабой выраженностью специфики миграционных процессов) включает регионы со средней и низкой интенсивностью сальдо миграции и периодической сменой ролей донора и реципиента мигрантов. В 2011–2018 гг. к данному типу отнесена только Ростовская область, которая вошла в эту категорию в 2003–2010 гг. Регион в 1997–2002 гг. снизил интенсивность положительного сальдо международной миграции и перестал быть центром притяжения международных мигрантов. Дополнительно здесь отмечается смена положительного сальдо межрегиональной миграции на отрицательное в 2003–2010 гг. В 2011–2018 гг. регион полностью компенсировал небольшую миграционную убыль в другие регионы России за счет среднего прироста международной миграции. Несмотря на типовую принадлежность, на территории Ростовской области выделяются локальные центры рецепции мигрантов. Сегодня это прежде всего промышленные города – спутники областного центра: г. Аксай и железнодорожный узел г. Батайск, Азовский район, на территории которого действует судостроительный завод, а также осуществляется добыча природного газа; сельскохозяйственный район Ростовской агломерации – Мясниковский, а также в меньшей степени – г. Ростов-на-Дону.

В рассматриваемые периоды к этому типу принадлежали Дагестан (1993–2002), Карелия (1993–1996, 2003–2010), Астраханская область (1997–2002), Красноярский край (1997–2010), Хабаровский край (2003–2010), Ненецкий АО (2003–2010).

Тип 3 (территории, совмещающие ярко выраженные роли «ядра» притяжения мигрантов из других стран и ареала оттока мигрантов в другие регионы России с высокой долей замещения оттока притоком – более 40 %). На протяжении 1993–2010 гг. данный тип включал только Ямало-Ненецкий АО, однако в последующие годы к нему добавились Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область, Ненецкий АО, существенно нарастившие интенсивность положительного сальдо международной миграции и многократно сократившие отток населения в другие регионы России (кроме Камчатки и Хабаровска), что способствовало улучшению миграционной обстановки. Территория Ямало-Ненецкого АО сегодня однородна по формированию сальдо миграции – здесь отсутствуют центры притяжения мигрантов с устойчивым приоро-

стом населения, однако в зоне непосредственной разработки месторождений отмечается очень высокая среднегодовая интенсивность валовой межрегиональной миграции (за период 2011–2018 гг.) – 190 человек на 1000 населения в Надымском МР и 120 человек на 1000 населения в Пуровском МР. Именно эти территории вследствие продолжающегося бума промышленного освоения нефтегазовых месторождений обеспечивали прирост населения всего округа в 1993–1996 гг. [33].

В Камчатском крае масштабная миграционная убыль населения в другие регионы России (80 человек на 1000 населения – третье место среди всех приморских субъектов) преобладает на всей территории региона. Единственным приморским муниципалитетом, демонстрирующим небольшой миграционный прирост в последние годы, стал Алеутский МР (самый малочисленный муниципальный район России), переживающий подъем рыболовной отрасли. Развитие рыболовства и рыбопереработки наряду с добычей газа на суше также выступает одним из факторов привлечения мигрантов в Анивском ГО Сахалинской области в течение 20 лет. В последние годы притягивают мигрантов и областной центр, ядро Южно-Сахалинской агломерации – г. Южно-Сахалинск, и рыбопромысловые южные Курилы (Южно-Курильский и Курильский округа) с возросшим геостратегическим значением. В Ненецком АО единственным местом притяжения (преимущественно для международных мигрантов) выступает административный центр, торговый порт г. Нарьян-Мар, вследствие становления нефтегазового комплекса в качестве базового сектора экономики региона.

Данный тип сегодня также включает Астраханскую область, испытывающую нарастающую убыль населения в другие регионы России. Впрочем, даже здесь имеется локальный центр притяжения мигрантов – Приволжский МР, тяготеющий к областному центру (г. Астрахань) и обеспечивающий его сельскохозяйственной и рыболовной продукцией.

Тип 4 (ареал оттока мигрантов) так же, как «ядро» притока мигрантов, характеризуется разной степенью выраженности. *Выраженный* ареал оттока мигрантов (подтип 4.1) объединяет субъекты с высоким (менее 15,0 человек на 1000 населения) отрицательным сальдо межрегиональной миграции и отрицательным сальдо международной миграции. Дополнительно к данному подтипу отнесены регионы с высоким положительным сальдо международной миграции, компенсирующим отток в другие регионы России не более чем на 40 %.

В 2011–2018 гг. *выраженный* ареал оттока мигрантов (подтип 4.1) включал семь приморских регионов, в том числе Магаданскую область и Калмыкию с максимальными значениями отрицательного сальдо межрегиональной миграции населения (85–120 человек на 1000 населения), а также Чукотский АО, Дагестан, Архангельскую и Мурманскую области, Якутию. Среди половины данных субъектов отмечается улучшение миграционной обстановки за счет увеличения положительного сальдо международной миграции и сокращения межрегионального оттока. Это регионы Дальнего Востока и Мурманская область. Однако еще для четырех субъектов (Дагестан, Калмыкия, Карелия, Ар-

хангельская область) вся постсоветская история развития ознаменовалась ростом межрегиональной убыли населения, которую лишь частично компенсировало положительное сальдо международной миграции.

Между тем указанные регионы охвачены оттоком населения не повсеместно. Присутствуют локальные центры притяжения мигрантов. В Архангельской области и Мурманской областях это территории с возросшим военно-стратегическим значением (г. Новая Земля и г. Североморск). Еще одним исключением стал 2015 год в Кандалакшском районе Мурманской области, когда сальдо миграции в муниципалитете превысило 10 человек на 1000 населения вследствие роста числа прибытий из стран СНГ, в основном для осуществления трудовой деятельности в строительстве. В Якутии единственным приморским муниципалитетом, притягивающим мигрантов в 2015–2017 гг., выступает Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) МР. Фактором притяжения здесь выступает освоение россыпных месторождений алмазов [34]. В Дагестане активно прирастает за счет мигрантов бурно растущий промышленный центр республики (машиностроение) – г. Каспийск, с 2017 г. превращающийся в основную базу Каспийской флотилии ВМФ России. В Чукотском АО наибольшую интенсивность миграционного прироста демонстрирует окружной центр – г. Анадырь, стягивающий население из других районов региона.

Интересно, что в предшествующие периоды выраженное «ядро» оттока мигрантов включало большее число приморских регионов. Кроме вышеназванных, это Камчатский край (1993–2010), Сахалинская область (1993–2010), Ненецкий АО (1993–2002), Хабаровский край (1993–1996), которым, однако, удалось «преломить» ситуацию и значительно улучшить миграционную обстановку.

К *средневыраженному* ареалу оттока мигрантов (подтип 4.2) отнесены регионы со средним или низким уровнем притяжения мигрантов из других стран с компенсацией межрегионального оттока на 15–40 % (Приморский край и Карелия). Карелия в целом демонстрировала ухудшение миграционной обстановки за счет наращивания интенсивности убыли в другие регионы России в 2011–2018 гг., Приморский край, напротив, отличается позитивными изменениями, касающимися увеличения положительного сальдо международной миграции. На территории этого региона присутствуют локальные центры притяжения мигрантов – из числа приморских это прежде всего Артемовский ГО, тяготеющий к краевому центру, но выгодно отличающийся по условиям проживания (более дешевая недвижимость, развитость инфраструктуры). В зону влияния Владивостокской агломерации также входят Шкотовский МР и Надеждинский МР, демонстрирующие повышенную интенсивность миграционного прироста в отдельные годы (2014–2015, 2017, 2019), обусловленную развитием как транспортно-логистического комплекса, так и базы обрабатывающих производств вследствие возросшего потребительского спроса. Перманентно в этой роли выступает также Лазовский МР (в 2017 и 2019 гг.), активно терявший население весь постсоветский период в результате сокращения тралового флота.

В предыдущие периоды к этому подтипу кроме Приморского края также относилась Архангельская область (1993–1996), которая в последующем переместилась в подтип 4.1). Дополнительно к данному подтипу можно отнести Хабаровский край, демонстрировавший в 1997–2002 гг. средний отток населения в пределах РФ и низкий – за рубеж.

Анализ проведенных расчетов позволил выявить неравномерное развитие миграционной обстановки на разных этапах протекания миграционных процессов в приморских регионах России. Так, отмечается увеличение значения «ядра» притяжения мигрантов – рост числа регионов с благоприятной миграционной обстановкой (тип 1), в том числе за счет включения в состав двух «новых» приморских регионов (Крым и Севастополь), и укрепления позиций регионов в качестве выраженного «ядра» притяжения мигрантов (рис. 2). Число регионов типа 2 со слабо выраженной спецификой миграционных процессов до 2010 г. увеличивалось, но затем сократилось до одного. При этом здесь также наметились позитивные тенденции перехода с отрицательного сальдо миграции на положительное. Состав типа 3, включающего регионы с ярко выраженными ролями «ядра» притяжения мигрантов из других стран и «ареала» оттока мигрантов в другие регионы России, значительно расширился в последнее десятилетие, однако среднее значение сальдо миграции по регионам пока остается в зоне отрицательного знака. Позитивным представляется сокращение числа субъектов, отнесенных к «ареалу» оттока мигрантов с 11 в 1993 г. до 9 в 2018 г. Еще более важно, что сократилась интенсивность миграционной убыли на две трети среди регионов выраженного оттока в 2011–2018 гг. по сравнению с 1993–1996 гг. и в два раза среди регионов типа 4 в целом.

4. Заключение

Приморские регионы России за всю постсоветскую историю в целом демонстрировали схожую с континентальными регионами динамику. Ключевым стал период 2010-х гг., когда позитивные тенденции начала 2000-х гг. укрепились и приморская зона России стала демонстрировать более явную миграционную привлекательность относительно континентальной. На фоне многократно возросшего миграционного оборота с другими регионами России вырос и миграционный прирост за счет такого обмена, что стало отличительной чертой приморской зоны при сравнении с внутренними регионами страны. В то же время сохраняется и ведущая роль международного обмена в миграционном приросте, характерная в целом и для других субъектов.

Несмотря на положительные сдвиги в миграционных процессах в приморской зоне России, по-прежнему фиксируются существенные диспропорции в характере механического воспроизводства населения приморских регионов разных макрорегионов страны. Укрепление позиций талассоцентрированных черноморских регионов Юга России и балтийских субъектов Северо-Запада в качестве ядра притяжения мигрантов сопровождается не столь быстрым улучшением ситуации на

Дальнем Востоке, Севере и Каспии России. Несмотря на сокращение интенсивности миграционной убыли населения, 9 из 16 субъектов данных макрорегионов сегодня относятся к устойчивому ареалу оттока населения. Семь из них сохраняют свои позиции с 1993 г., Карелия вошла в этот тип в 2010 г., Дагестан — в 2003 г. Остальным субъектам с отрицательным сальдо миграции удалось в последнее десятилетие нарастить положительное сальдо миграции с другими странами и превратиться в центры притяжения международных мигрантов при сохранении высокого уровня оттока населения в более экономически развитые регионы страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Список литературы

1. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 85–100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.
2. Дружинин А. Г. «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №3. С. 89–104.
3. Lachininskii S.S., Mikhaylov A.S., Samusenko D.N. et al. Coastal cities and agglomerations in the innovative space of Western Russia // Regional Research of Russia. 2019. №9 (4). P. 396–405. doi: 10.1134/S2079970519 040051.
4. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселение стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 7–27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1.
5. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д; Таганрог, 2021.
6. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов н/Д; Таганрог, 2020.
7. Лялина А. В. Миграционная привлекательность приморской зоны России: локальные градиенты / XII научная Ассамблея Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Ижевск, 2021.
8. Дружинин А. Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России // География и природные ресурсы. 2020. №2. С. 5–14. doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-2(5-14).
9. Druzhinin A. G. The coastalisation of population in today's Russia: A socio-geographical explication // Baltic region. 2017. Vol. 9, №2. P. 19–30. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-2.
10. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. №61. P. 219–249.
11. Iden G., Richter C. Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region // Land Economics. 1971. Vol. 47, №2. P. 189–193.
12. Fulanda B., Munga C., Ohtomi J. et al. The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya // Ocean & Coastal Management. 2009. Vol. 52, №9. P. 459–466. doi: https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001.
13. Montanari A., Staniscia B. From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis // Volltextausgaben. 2011. №3–4. P. 127–200. doi: https://doi.org/10.4000/belgeo.6300.

14. Merkens J.-L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A.T. Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways // *Global and Planetary Change*. 2016. Vol. 145. P. 57–66. doi: 10.1016/j.gloplacha.2016.08.009.
15. O'Reilly K. *The British on the Costa del Sol*. L., 2000.
16. Benson M., O'Reilly K. *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*. L., 2009.
17. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Разумовский В.М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // *Известия РГО*. 2017. Т. 149, №3. С. 15–31.
18. Лялина А.В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // *Региональные исследования*. 2019. №4. С. 73–84. doi: 10.5922/1994-5280-2019-4-6.
19. Житин Д.В., Шендрик А.В. Динамика численности населения городов Ленинградской области: влияние кризиса 2014–2016 годов // *Известия РГО*. 2017. Т. 149, №6. С. 24–43.
20. Фаузер В.В. Население российского Севера: проблемы воспроизводства // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2017. Т. 54, №3. С. 121–133.
21. Sokolova F., Wooik C. The Russian Arctic in the Post-Soviet Period: Dynamics of Migration Processes // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2019. Vol. 8, №2. P. 197–225.
22. Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. Vol. 40, №3. P. 155–205. doi: 10.1080/10889388.1999.10641111.
23. Heleniak T. The Role of Attachment to Place in Migration Decisions of the Population of the Russian North // *Polar Geography*. 2009. Vol. 32, №1-2. P. 31–60. doi: 10.1080/108893709030000398.
24. Лялина А.В. Миграционные процессы в приморских муниципалитетах Калининградской области: «агломерационные» эффекты или талассоаттрактивность? // *Псковский регионологический журнал*. 2021. Т. 46, №2. С. 58–78.
25. Мкртчян Н.В. Внутрироссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. М., 2018. С. 568–585. doi: 10.29003/m280.sp_ief_ras 2018/568-585.
26. Мотрич Е.Л. Население Дальневосточного федерального округа: реалии и перспективы // *Регионалистика*. 2020. Т. 7, №2. С. 64–71.
27. Мотрич Е.Л. Роль демографических и миграционных процессов в реализации концепции демографической политики на Дальнем Востоке России // *Ученые записки*. Хабаровск, 2019. Вып. 15. С. 94–104.
28. Денисова Г.С. Современные миграционные процессы в Южном федеральном округе // *Наука Юга России (Вестник Южного научного центра)*. 2016. Т. 12, №3. С. 101–110.
29. Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, №1. С. 7–22. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22.
30. Сченснович В.Н. Миграционные процессы на Северном Кавказе // *Россия и мусульманский мир*. 2019. №4 (314). С. 23–38. doi: 10.31249/rimm/2019.04.02.
31. Ожегова Л.А., Сазонова Г.В., Сикач К.Ю., Зуева И.Б. Динамика и территориальные особенности социально-демографических процессов в российском Крыму // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*. Сер.: География. Геология. 2020. Т. 6, №3. С. 135–151.

32. Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В. Пространство миграций в современном Крыму // Современные миграционные процессы: состояние и основные формы : матер. междунар. науч. конф., Тирасполь, 17 декабря 2015 года. Кишинёв, 2016. С. 82–91.

33. Корнилов Г. Е. Население Ямала в XX в.: процесс формирования // Уральский исторический вестник. 2014. №2 (43). С. 136–142.

34. Томаска А. Г., Федотова Н. Д., Санникова Я. М., Винокурова Д. М. Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Якутск, 2018.

Об авторе

Анна Валентиновна Лялина — канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID 0000-0002-8479-413X

The author

Anna V. Lialina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID 0000-0002-8479-413X